

ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ: ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ENLIGHTENMENT AS A FUNDAMENTAL CONCEPT FOR THE FORMATION OF A NATIONAL IDEA: FROM THE HISTORY OF DOMESTIC THOUGHT

*S. An
V. Skopa*

Summary: The historical and philosophical context reveals education as a complex integral system, where knowledge becomes not only an end in itself, but also a means of qualitative social transformations. The concept of the "national idea" arose in the intellectual circles of post-reform Russia, becoming the fruit of deep reflections of outstanding Russian philosophers, historians and publicists. The study concluded that education is a fundamental mechanism for the formation of a national idea and the transformation of public consciousness in Russia.

Keywords: education, national idea, self-awareness, historical memory, citizenship.

Ан Светлана Андреевна
доктор философских наук, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)

Скоба Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)

sverhtitan@rambler.ru

Аннотация: Историко-философский контекст раскрывает просвещение как сложную интегральную систему, где знание становится не только самоцелью, но и средством качественных социальных трансформаций. Концепция «национальной идеи» возникла в интеллектуальных кругах постформенной России, став плодом глубоких размышлений выдающихся отечественных философов, историков и публицистов. В ходе исследования пришли к заключению, что просвещение является фундаментальным механизмом формирования национальной идеи и трансформации общественного сознания в России.

Ключевые слова: просвещение, национальная идея, самосознание, историческая память, гражданственность.

В пространстве отечественной интеллектуальной традиции просвещение выступает не просто культурным феноменом, но и глубинным механизмом трансформации общественного сознания. Это не столько процесс передачи знаний, сколько стратегический инструмент формирования национальной идентичности и цивилизационного кода. Историко-философский контекст раскрывает просвещение как сложную интегральную систему, где знание становится не только самоцелью, но и средством качественных социальных трансформаций [16]. Мыслители от Радищева до Чаадаева и далее рассматривали освободительный потенциал просвещения как фундаментальный путь трансформации российской реальности. Ключевая особенность отечественного просветительского дискурса – его имманентная связь с социальной рефлексией, стремлением переосмысливать существующие культурные и государственные парадигмы [15]. Просвещение виделось не академической абстракцией, а живым инструментом цивилизационного развития.

Просвещение как фундаментальный концепт выступает системообразующим элементом социокультурной парадигмы интеллектуального развития общества. Его сущностные характеристики раскрываются через призму трансформации знания, расширения горизонтов

человеческого понимания и качественного преобразования социальных практик. На сегодняшний день просвещение выступает не просто механизмом трансляции информации, но и сложной системой смыслопорождения, где знание становится инструментом личностной и коллективной трансформации. Его диалектическая природа раскрывается через взаимосвязь индивидуального интеллектуального роста и коллективного прогресса, где каждый субъект одновременно является и носителем, и транслятором знания.

В современном стремительно меняющемся мире Россия, как и сто лет назад, стоит перед историческим выбором своего пути – пути спасения. В обществе и в государственном управлении явен духовный апокалипсис: много пошлости, люди развернуты, доминирует агрессия чуждых нам духовных ценностей. Всё это угрожает устоям нации. Вновь становится актуальным вопрос о необходимости формирования «национальной идеи».

Концепция «национальной идеи» возникла в интеллектуальных кругах постформенной России, став плодом глубоких размышлений выдающихся отечественных философов, историков и публицистов. Среди первоходцев этой сложной духовно-философской материи стояли такие знаковые фигуры отечественной мысли, как Алек-

сей Хомяков, Федор Достоевский и Владимир Соловьев, которые стремились осмысливать уникальную историческую миссию и особый путь российской цивилизации. Их труды стали фундаментальным интеллектуальным основанием для последующих поколений мыслителей, пытавшихся раскрыть глубинный смысл национального самосознания и цивилизационной идентичности России [10]. Этих авторов объединяла следующая мысль: «Для русского человека сакральное спасение ассоциируется не индивидом, но с неким мистическим коллективом, объединённым не территориально, а духовно» [4]. Отсюда следует, что стремление к формированию национальной идеи обусловлено фундаментальной потребностью социума в консолидации и мобилизации коллективных ресурсов для достижения стратегических целей. Это своего рода духовный и мотивационный стержень, способный объединить разрозненные социальные группы, мобилизовать энергию нации и направить её в созидающее русло. Национальная идея выступает не просто абстрактным концептом, а практическим инструментом координации общественных усилий, позволяющим трансформировать разрозненные индивидуальные устремления в единый социальный вектор развития [7].

Мы считаем, что погружение в интеллектуальное наследие выдающихся российских мыслителей и исследователей становится критически важным в нынешний период. Актуальность обращения к их идеиному багажу продиктована насущной потребностью в формировании конструктивной философии взаимопонимания, которая способна преодолеть существующие социальные разломы. Осмысление исторического контекста и глубокая рефлексия над накопленным интеллектуальным опытом позволяют не только диагностировать текущие проблемы, но и выработать стратегию консолидации, учитывающую всю меру ответственности за принимаемые решения.

Во многом загадка и ныне остаётся нераскрытоей: почему пророческие предупреждения отечественных философов о надвигающемся «зверином господстве» (Трубецкого) и наступлении эпохи «антихриста царства» (концепция Соловьёва и Мережковского) не получили должного осмыслиения и резонанса. Более того, в разгар революционных потрясений И.А. Ильин выдвинул романтическую концепцию русской идеи как средоточия духовного созерцания и сердечной интуиции, что контрастировало с нарастающим валом деструктивных социальных процессов. Согласно его утверждению, главное в жизни – это любовь, из любви «рождается вера» и вся культура духа [7, 8]. Заметим, что философов этого направления объединяло религиозное воспитание. На заседании петербургского «Собрания» 1907 г. был заслушан доклад В. Терновцева, в котором обосновывался тезис о том, что «возрождение России может совериться на религиозной почве» [5, с. 52]. У Вл. Соловьева от-

четливо видим: «В Боге открывается в человеке всеединство», то есть абсолютная полнота бытия, которую он не может обрести в самом себе, поэтому «Бог открывается человеку как бесконечное стремление, неутомимая жажда бытия [12, с. 243]. Приведенные умозаключения свидетельствуют о глубинной консолидирующей силе имперского мировоззрения, которое пронизывало все социальные страты российского общества. Государственная идеология, сформулированная графом Уваровым, представляла собой не просто лозунг, а целостную философию национального единства, где православные духовные скрепы, монархическаяластная вертикаль и народный дух формировали уникальный цивилизационный код Российской империи. Эта национальная идея после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. была персонифицирована на построение коммунистического общества, был выдвинут девиз: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь», под которым подразумевалось строительство коммунизма не только в СССР, но и во всём мире. Спустя столетие, 19 сентября 2013 года на площадке Международного дискуссионного клуба «Валдай» глава российского государства инициировал широкий общественный диалог о поиске национальной идентичности. Современные исследователи гуманитарного профиля очертят многогранный функционал подобного концепта: интеграция разнородных социальных групп; мобилизация внутренних резервов общества; катализация трансформационных процессов; активизация созидающего потенциала населения; формирование консолидированной системы ценностей; стратегическое целеполагание; нивелирование социальных противоречий и напряженности [10].

В контексте рубежа 1990-х годов известный искусствовед К. Писарев, глубоко переживая процессы деградации культурного наследия, сформулировал емкую социокультурную триаду разрушения: «Амнезия – апатия – атрофия». Его концепция отражала постепенную утрату исторической памяти; нарастающее социальное безразличие; последовательное угасание духовных оснований народа. Лаконичная формула достаточно глубоко фиксировала системную деструкцию культурных кодов, механизмы внутреннего распада социума и необратимость процессов забвения и деградации [10].

Происходящее выступает симптоматичным индикатором глубинной трансформации образовательной парадигмы: налицо выраженное размежевание между системой обучения и фундаментальными культурными константами – духовностью, художественным восприятием, интеллектуальным развитием и морально-этическими универсалиями, которые во многом являются базисов оформления национальной идеи.

В тоже время образовательное пространство постепенно утрачивает свою онтологическую сущность,

превращаясь в формализованный механизм передачи фрагментарных знаний, лишенный экзистенциальной глубины и аксиологической наполненности. Наблюдается последовательная редукция гуманистических принципов, подмена содержательных образовательных стратегий утилитарно-прагматическими установками, что неизбежно приводит к духовной деградации и интеллектуальной стагнации социума [13].

Изначально реформаторские устремления виделись панацеей от системных недугов образовательной сферы. Однако сегодняшняя реальность обнажила парадоксальность происходящего: вместо качественных трансформаций мы наблюдаем тотальную бюрократизацию и нивелирование сущностных образовательных смыслов. Ключевой деструктивной тенденцией стала гиперболизированная формализация, которая превращает живой процесс обучения в жесткую, унифицированную схему. Бесконечные регламенты, отчеты, стандартизованные методики фактически нивелируют творческую составляющую педагогической деятельности, редуцируют образование до набора формальных индикаторов и количественных показателей. Подобная несуразность образовательного ландшафта не просто обезличивает процесс познания, но и фундаментально подрывает его гуманистическую природу, лишая систему образования её изначальной миссии – раскрытия человеческого потенциала.

Государство выступает ключевым архитектором этой системы, несущим ответственность за трансляцию фундаментальных ценностных матриц. Его стратегическая задача – не просто транслировать информацию, встраивать базовые ментальные коды в сознание молодых людей, формируя тем самым фундамент национальной идентичности и социокультурной преемственности. Образовательный процесс – это тонкий инструмент державного конструирования личности, где каждый педагогический импульс потенциально трансформирует молодого человека в один из трех возможных социальных архетипов.

Первый сценарий – формирование активного защитника государственных интересов, патриота с развитой гражданской позицией, способного усвоить системные ценности и транслировать их в социальном пространстве.

Второй сценарий – риск воспитания деструктивной личности, потенциального маргинала, который вместо конструктивного взаимодействия с системой выбирает стратегию противостояния и разрушения.

Третий – наиболее опасный – сценарий тотальной аполитичности и социальной апатии. Человек-функция,

лишенный внутренних якорей и мировоззренческих доминант, легко превращается в аморфный элемент безынициативной массы.

Современная цивилизация демонстрирует парадоксальный феномен тотальной технократизации, где экономический рост возводится в абсолют, при этом игнорируя глубинные духовные константы человеческого бытия [1]. Отечественный социокультурный опыт убедительно доказывает, что магистральные траектории развития общества определяются не столько экономическими параметрами, сколько цивилизационным кодом – системой фундаментальных смыслов, транслируемых через культуру, философию, религиозные традиции.

Нарастающий дисбаланс между технологическим прогрессом и духовной деградацией порождает глубинный цивилизационный протест. Этот протест материализуется в различных формах – от возрождения православных традиций до актуализации коллективистских моделей солидарности. Консервативное сознание сегодня выступает не архаичной реакцией, а зрелой альтернативой тотальной атомизации, предлагая аксиологическую матрицу, центрированную на извечных человеческих ценностях – святыни жизни, семьи, преемственности поколений [2].

Стоит заметить, что при формировании национальной идеи происходит не тотальная инвентаризация культурного наследия, а осторожно выверенная селекция смыслов и символов, которые наиболее емко репрезентируют сущностное ядро народного духа. Национальная идея – это не энциклопедический свод, а духовный конденсат коллективного опыта, где каждый элемент выступает метафорой глубинных цивилизационных архетипов [6]. Она фокусирует внимание не на количестве, а на качестве культурных маркеров, способных консолидировать общество через общность восприятия и переживания. В этом контексте национальная идея подобна художественному полотну, где каждый штрих – результат тщательного отбора, призванный создать цельный, гармоничный образ народного единства, раскрывающий сущностные характеристики этноса в их наиболее аутентичном и возвышенном проявлении.

Ильин И.А., погружаясь в глубины национального самосознания, концептуализировал русскую идею как живой, органичный организм, который пульсирует энергией человеческих устремлений и свершений [7]. Для философа национальная идея – это не абстрактная конструкция, а живительный нерв народного духа, который проявляется в многогранности человеческого опыта. Она раскрывается через пласти повседневности, где каждый акт – будь то творческий порыв художника, философское откровение, правовая рефлексия или ре-

лигиозное переживание становится микрокосмом национального самоопределения. Ильин настаивал на том, что подлинная национальная идея не может быть сухой схемой или декларативным лозунгом. Она – как дыхание, как спонтанное выражение коллективной души, где простота соседствует с глубиной, а индивидуальное преображается через призму универсального опыта сообщества [7].

Исходя из выявленного массива источников и научных исследований, в нашем восприятии национальная идея подобна живому организму – незавершенному, текущему, который не застывает в догматических формулировках, а постоянно дышит и эволюционирует. Это не жесткий алгоритм или инструкция, а скорее интеллектуальная система, питательная среда для коллективной рефлексии и смыслопорождения [3, 9]. Метафора ядерного реактора особенно точно раскрывает её сущность: национальная идея – это невидимый, но мощный катализатор, который незримо координирует социальные процессы. Подобно графитовому стержню, она не диктует конкретные действия, а создает необходимое энергетическое поле, в котором разворачиваются коллективные смыслы и траектории развития. Это не жесткий каркас, а гибкий код национального самосознания, который постоянно перезаписывается, впитывая новые контексты и интерпретации, оставаясь при этом узнаваемым и аутентичным.

В современную эпоху глобальных трансформаций образование претерпевает фундаментальные изменения, утрачивая свою национально-культурную самобытность. Унификация образовательных стандартов напоминает тотальный нивелирующий процесс, где уникальность локальных педагогических традиций растворяется в универсальном технологическом контексте.

Российская образовательная система в постперестроечный период совершила радикальный транзит от гуманистической, просветительской модели к pragmatischen, инструментальной парадигме. Этот сдвиг максимально приблизил отечественное образование к западным лекалам, где знание давно рассматривается как товар, а обучающийся – как потенциальный человеческий капитал. Провидческие идеи О. Тоффлера о технологической революции и формировании сверхиндивидуальной цивилизации находят все более рельефное подтверждение. Образование перестает быть пространством культурной трансмиссии и превращается в высокоточный механизм тиражирования функциональных компетенций, необходимых для существования в турбулентном техногенном мире [11].

Технократическая трансформация образовательной

сферы повлекла за собой глубокую эрозию гуманистических оснований, превращая процесс обучения в стерильный, обезличенный конвейер. Редукция знания до узкопрофессионального навыка привела к драматической утрате смысловых, духовно-нравственных доминант отечественной педагогической традиции. Сегодня назрела критическая необходимость реанимации фундаментальных принципов российского образования – тех уникальных культурных кодов, которые формировались веками и аккумулировали глубинные смыслы национального воспитания. Речь идет о восстановлении целостной антропологической парадигмы, где образование рассматривается не как сервисная услуга, а как пространство личностного становления и культурной преемственности.

Сохранение и актуализация исторически выверенных образовательных стратегий становится не просто академической задачей, но и вопросом национальной идентичности и культурного самосохранения. Только через возвращение к онтологическим основаниям отечественной педагогики возможно преодоление нивелирующих глобализационных трендов.

Российский просвещенческий идеал был заложен заботами М. В. Ломоносова и плеядой выдающихся мыслителей XVIII столетия. В этот судьбоносный период начали кристаллизоваться уникальные контуры отечественной образовательной парадигмы, которая принципиально отличалась от европейских аналогов. Стержневой идеей была концепция всестороннего развития личности – не просто интеллектуального, но и глубоко духовного, где знание органично сплетается с нравственным становлением [14]. Педагогическая модель того времени виртуозно соединила рациональное достижение мира с эмоционально-образным восприятием, создавая целостный антропологический проект. Формировалась не просто просветительская модель, а целостная национальная педагогическая концепция, которая несла в себе глубинный культурный код российской цивилизации.

Таким образом, можно констатировать, что просвещение является фундаментальным механизмом формирования национальной идеи и трансформации общественного сознания в России. Национальная идея – это динамичный, адаптивный код, который объединяет социум, мобилизует его потенциал и создает общее смысловое пространство. В современных условиях глобальных трансформаций особенно важно сохранить уникальность отечественной просветительской традиции, которая изначально была направлена на всестороннее духовно-нравственное развитие личности, а не только на передачу pragmatischen знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова Т.А. Переход российской системы образования от идеалов просвещения к прагматизму и технократизму // Человек: границы бытия: материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2018. – С. 305-311.
2. Беляев Г.Ю. О новых смыслах деятельности образовательных организаций в контекстах когнитивной революции XX века // Вестник Российской философского общества. 2019. Вып.3, 2020. – 234 с.
3. Вязовик Т.П. Особенности консолидирующей идеи в России // Национальная идентичность России и демократический кризис. М., 2007. – С. 636-645.
4. Гиппиус З. Правда о земле // Диалог. 1991. – С. 51-58.
5. Гуревич П. С. Традиция как гарант стабильности // Философия и культура. 2011. № 7 (43), – С. 4-7.
6. Ерёменко В.С. Национальная идея как составная часть патриотизма // Формирование традиций патриотизма: материалы научно-практической конференции Барнаул, 2015. – 197 с.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений. В 2 томах. М., 1993. Том 2. Книга 1. – 613 с.
8. История и философия науки / С.А. Ан, Э.И. Забнева, В.В. Маркин [и др.]. Барнаул, 2022. – 304 с.
9. Национальная идея России: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!» или о том, что должны делать власть и общество, чтобы это было так». В 6 томах. М., 2012. Т. 1. – 752 с.
10. Писарев К. Патина и паутина // Дружба народов. 1990. № 1. – С. 54-58.
11. Родичева И.С. Русская идея – основа для сохранения культурно-духовных традиций России // Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции: сборник научных трудов Всероссийской научной конференции «VIII Сибирский философский семинар». Новосибирск, 2019 – С. 73-77.
12. Соловьёв В. Чтения о богочеловечестве // Сочинения. В 2 томах. М., 1989. Том 2. – 710 с.
13. Маслин М.А., Андреев А.П. О русской идее. Мыслители русского зарубежья о России и ее философской культуре. М. 1990. – 251 с.
14. Карташев А.В. Церковь, история, Россия. М., 1996. – 451 с.
15. Мильдон В.И. Русская идея в конце XX века // Вопросы философии. 1996. №3. – С. 46-57.
16. Скопа В.А., Ан С.А. Человек в дуальном мире эпохи русского просвещения: культурфилософский анализ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2024. № 10. С. 137-141.

© Ан Светлана Андреевна, Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»